А. В. ПИГИН

Видения потустороннего мира в рукописной традиции XVIII—XX вв.

В рукописных сборниках и отдельных списках XVIII—XX вв. нередко встречаются тексты, рассказывающие о видениях потустороннего мира и представляющие определенный интерес для исследователей древнерусской литературы, фольклора и истории старообрядчества. Видения — один из тех средневековых жанров, которые не умирают вместе с древнерусской литературой. Во второй половине XVII—XVIII в. преимущественно среди старообрядцев становятся чрезвычайно популярны древние видения, создаются лицевые эсхатологические сборники, включающие большое число видений,[1] появляются новые произведения этого жанра. Немало видений было записано и позднее — в XIX—XX вв. Просмотр только некоторых рукописных собраний Москвы, С.-Петербурга и Нижнего Новгорода позволил выявить около 15 видений, созданных в XVIII—XX вв., некоторые из них — в нескольких списках. Видения потустороннего мира до сих пор охотно читаются в крестьянской среде, особенно там, где была сильна церковная или старообрядческая идеология. Школьная тетрадка с записями религиозных стихов, молитв и видений — не такая уж редкая находка в современной археографической работе.

Настоящая статья из-за небольшого объема неизбежно представляет собой лишь самый общий обзор некоторых видений XVIII—XX вв.[2] Ее

[1] См, например РНБ, собр ОЛДП, Q № 25, XVIII в В составе Житие Василия Нового (видения о Феодоре и о Страшном суде), эсхатологические повести из Великого Зерцала, Слово Палладия мниха о втором пришествии, Повесть о видении Козмы игумена, Видение некоего человека именем Иоанна, и др

[2] В статье рассматриваются следующие видения 1) Видение некоей старухи 1748 г (далее С) РГБ, собр Барсова, № 332, л 62—63 об XVIII в, РНБ, О I 369, л 18—22, XIX в См Пигин А В Юхименко Е М К истории жанра видений в выговской литературной школе («Видение некоей старухи» в 1748 г) // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России Петрозаводск (в печати), 2) «Повесть о душеполезном видении» Андрея Данилова Иконникова 1785 г (далее А) см Приложение, 3) «Сказание о дивном видении» девицы Маргариты 1804 г (далее М) БАН, собр Лукьянова, № 33, XIX в, 4) Видение иеросхимонаха Нижегородского Печерского монастыря Мардария 1845 г (далее Мр) ОРК Нижегородской обл библиотеки Р/239 л 1—16, XIX в 5) Видение девицы Пелагеи 1850—60-е гг (далее П) ОРК Нижегородской обл библиотеки Р/175, XIX в См Грицевская И М, Пигин А В К изучению народных легенд об «обмирании» (Видение девицы Пелагеи) // Фольклористика Карелии Петрозаводск 1993 С 48—68, 6) «Чудесное сновидение» Феклы 1902 г (далее Ф) 7) Видение Иоанна Кронштадтского 1907 г (далее И), 8) «Сон Домнушки-христианки» 1914 г (далее Д), 9) «Видение рабы Веры» 1962 г (далее В), 10) Видение Клавдии 1964 г (далее К) Списки текстов № 5—8 10 были привезены фольклорными экспедициями Петрозаводского университета из Каргопольского р-на Архангельской обл в 1993-1994 гг Текст № 9 любезно сообщен нам О А Савельевой которая обнаружила его в Богородском р-не Нижегородской обл Приношу также благодарность О Р Николаеву, познакомившему нас с видениями XX в списки которых обращаются среди деревенских жителей Тверской и Брянской областей (По видимому некоторые видения XX в пришли в рукописную традицию из каких то религиозных печатных изданий)

цель заключается в том, чтобы привлечь внимание исследователей к этому интересному и совершенно не изученному материалу.

Видения потустороннего мира имеют давнюю традицию в восточной, западноевропейской, византийской и древнерусской литературах.[3] Большой интерес у древнерусского читателя вызывали такие переводные и оригинальные произведения этого жанра, как Видение Макария, видения из житий Василия Нового, Андрея Цареградского, Видение Козмы игумена (из Пролога), Видение Антония Галичанина, видения из различных патериков и т. д. К видениям примыкают сказания о «хождении» в загробный мир: Хождение Богородицы по мукам, Хождение апостола Павла, Сказание отца нашего Агапия и др. Видения XVIII—XX вв. в целом сохраняют жанровый канон и эсхатологическую топику древнерусских сочинений, однако добавляют к ним и ряд новых черт. В частности, здесь появляется обилие фольклорных элементов, происходит дальнейшая беллетризация жанра, поэтичность и глубина христианского содержания часто уступают место внешним эффектам, натурализму, «сценам ужаса» (особенно в текстах XX в.). Заметное влияние на видения оказали также Пролог, Великое Зерцало и Синодик. Авторы видений черпали из этих сборников отдельные образы и сюжеты, не обязательно эсхатологического характера. С Синодиком, кроме того, видения роднит тема поминовения усопших, являющаяся одной из основных в анализируемых текстах.

Другая традиция, которая должна быть указана в связи с видениями XVIII—XX вв., — это фольклорные рассказы об «обмирании». По народным представлениям, «во время обмирания (летаргического сна) душа человека, руководимая Николаем Угодником, странствует на том свете по аду и раю, видит там своих родных и знакомых, обреченных на муку и страдание или блаженствующих в райских садах. Обмиравшая душа может передавать повесть своего странствия в назидание живущим; запрещается ей сказывать только три какие-то таинственные слова».[4] Многие видения представляют собой не что иное, как письменные фиксации таких устных рассказов. В некоторых из них сохраняется даже указание на саму ситуацию обмирания: «...старуха <...> объумирала в полнощ» (С), «мнит быти себе в то время обмирающа» (А). Наконец, общие мотивы сближают видения с духовными стихами и сказочно-легендарными текстами о пребывании человека на том свете («Крестник Бога (Христа)», «Божий пастушок»[5] и др.).

Видения XVIII—XX вв. достаточно разнообразны по своему происхождению, содержанию, объему и литературным достоинствам. Визионерами являются здесь старообрядцы разных согласий (С, М), православные монахи и монахини (Мр, Ф), крестьяне (П), горожане (В, К). Почти обязательные указания на место, где произошло видение, свидетельствуют об очень широком географическом распространении произведений этого жанра: Корела (С), Берлюковская пустынь под Москвой (А), Нижегородский Печерский

---

[3] См Сахаров В Эсхатологического сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи Тула, 1879, Батюшков Ф Спор души с телом в памятниках средневековой литературы СПб , 1891, Гуревич А Я Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» Средних веков // Тр по знаковым системам Тарту, 1977 Т 8 С 3 – 27, Ярхо Б И Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток — Запад Исследования Переводы Публикации М , 1989 Вып 4 С 18—55

[4] Афанасьев А Н Народные русские легенды М , 1859 С 129 См также Толстые Н И и С М О жанре «обмирания» (посещения того света) // Вторичные моделирующие системы Тарту, 1979 С 63 65, Лурье М Л , Тарабукина А В Странствия души по тому свету в русских обмираниях // Живая старина 1994 № 2 С 22 26

[5] См Сравнительный указатель сюжетов Восточнославянская сказка Л 1979 С 139 (471—471**)

монастырь (Мр), Вологодская губерния (П), Тихвинский Введенский монастырь (Ф), Одесская область (В), Барнаул (К).

Видения, как писал Б. И. Ярхо, «принадлежат к дидактическим жанрам, ибо цель их — открыть читателю истины, недоступные непосредственному человеческому познанию».[6] Не случайно жанр видений использовался в средние века в полемических — религиозных и политических — целях. Многие видения XVIII—XX вв. сохраняют эту важнейшую жанровую функцию. Среди рассматриваемых сочинений есть видения, написанные выговцами против филипповцев (С), старообрядцами поповского толка — против беспоповцев и «щепотников» (православных) (М), православными — против старообрядцев (А), христианами — против «безбожников» и революционеров (И). Визионером в этих полемических сочинениях часто оказывается человек, сомневающийся в каком-либо религиозном вопросе, стоящий перед выбором. Во время загробного откровения он постигает истину и освобождается от своих сомнений (А, М). В другой группе видений полемика по религиозно-обрядовым вопросам уступает место проповеди морального закона. Предметом осуждения являются здесь немилосердие к нищим, небрежение постом и молитвой, лечение у «чародеев», пьянство, блуд и т. п. Таких видений удостаиваются, как правило, грешники, которые должны по возвращении души в тело покаяться (П) или даже стать проповедниками христианской веры (К).

Некоторые сочинения, по-видимому, недалеко отстоят от первоначального устного рассказа и по времени и по степени литературной обработанности. Такие тексты, как правило, невелики по объему, написаны простым языком, эсхатологические сюжеты в них лишь намечены, но детально не разработаны. В этих видениях сохраняется неподдельная эмоциональность воспоминаний визионера о недавно пережитом (С, А, П).

В других видениях заметна очень сильная, порой неумелая обработка. Исконный устный текст восстановить здесь невозможно даже предположительно из-за многочисленных наслоений. Часто повествование разрастается за счет включения в него небольших «прикладов» назидательного характера. Встретив на том свете кого-либо из своих знакомых, ясновидец (в большинстве случаев, скорее всего, редактор) рассказывает связанную с ним историю, сюжет которой восходит к древнерусским памятникам или народным легендам. Нередко приводится рассказ о том, как визионер безуспешно пытается вытащить из адской бездны своего знакомого или родственника, за ноги которого хватаются другие грешники[7] (В). Старец Мардарий встречает в местах мучений женщину, на которую «вопиют» лежащие рядом три младенца. В небесной церкви он видит своего знакомого, одетого в простой кафтан. Смысл увиденного становится ясен Мардарию только после воскресения, когда он находит эту женщину (она была жива и пребывала как бы в двух мирах одновременно) и родственников праведника и расспрашивает их. Три младенца — это незаконнорожденные дети, которых мать убила с помощью чародейства.[8] Кафтан — это та милостыня, которой однажды праведник оделил чудесного нищего (Христа).[9] Оба «приклада» выделены отдельно и помещены в рукописи на нижнем поле как своеобразные комментарии к тексту. Видение Мардария наглядно демонстрирует один из путей беллетризации жанра. В других сочинениях подобные «маргинальные» сюжеты читаются в самом тексте, особенно много их в видениях XX в. На-

[6] Ярхо Б. И. Из книги «Средневековые латинские видения». С. 21.
[7] Ср. Сравнительный указатель сюжетов. С. 202 (804).
[8] Ср. Там же. С. 194 (765 А*).
[9] Ср. Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 4. Славяно-русский Пролог. Ч. 2. Январь—апрель. СПб., 1898. С. 163—164, 176.

пример, видение Домнушки-христианки включает эпизоды о чудесном омовении в небесной воде, о полете над землей, о споре ангелов и бесов из-за души умершей женщины и т. д. Все они воспринимаются как отдельные самостоятельные рассказы, объединенные мотивом путешествия и образом ясновидца. Сама структура жанра — череда загробных встреч — позволяла редакторам дополнять первоначальный устный рассказ все новыми и новыми эпизодами, благодаря чему некоторые поздние тексты превратились в своего рода «эсхатологические энциклопедии».

Почти все анализируемые видения имеют точное календарное приурочение. Обычно это дата приходится на церковный праздник, на время поста, на начало одного и конец другого временнóго цикла: Успение (С), Чистый понедельник (П), первое января (И), Великая суббота (Д), Сорок мучеников (В) и др. Традиционная календарная семантика часто находит свое отражение в видениях. Так, уснув в Великую субботу, Домнушка-христианка становится участницей торжественного празднования Пасхи на небе.[10] Девица Пелагея, оказавшись на том свете в Чистый понедельник (П), после масленицы, ужасается тому, какие муки ожидают грешников за веселье, «смехотворныя шутки», «песни и пляски на игрищах». Иногда видение происходит *после причащения Святых Тайн (Ф, Д), во время паломничества к какому*-либо святому месту (А, М). «Некая старуха» видит свое видение «в полнощ» — именно полночные видения и сны почитались в народе самыми важными. Обязательным является указание и на продолжительность видения: 5 (С), 13 (А), 20 с половиной (Ф) часов, сутки (П), 14 суток (М), 24 дня (Д).

Нередко видению предшествует тяжелая болезнь визионера, во время которого он размышляет о своей посмертной участи (Мр), призывает смерть (В). В видении ясновидец получает ответ на эти размышления, убеждается в ничтожности земных страданий перед загробными, иногда узнает дату своей смерти. Один из самых устойчивых мотивов — невозможность излечиться от болезни у земных врачей, бессилие врачей перед тайнами Божьего промысла. К ясновидцу, находящемуся в состоянии обмирания, приглашают «фельдшера» (Ф), «лекаря» (М), которые никакими средствами не могут вернуть его к жизни. Особенно детально эта тема разработана в рассказе о видении Клавдии, где она решена в духе древнерусских патериковых легенд. «Безбожница» Клавдия была больна раком и «решила зделать апера-цию». Когда врач разрезал ей живот, он пришел к выводу, что больная жить не будет: «...ей жить нечем, у нее здорового нет ничего». Во время операции душа Клавдии побывала на том свете, очистилась от грехов и затем вернулось в тело, которое оказалось совершенно здоровым. Свое исцеление Клавдия получила от «небесного врача», а не от земного. Традиционные древнерусские мотивы, известные, например, по Слову о святом Агапите из Киево-Печерского патерика,[11] здесь хорошо узнаваемы: врач-«иноверец» («врачь был еврей») предсказывает человеку смерть, но в результате совершившегося чуда обращается в христианство. Образ врача выполняет в видениях и еще одну функцию: осмотр ясновидца врачом и те свидетельские показания, которые при этом приводятся, должны убедить читателя в истинности чуда. Так в видениях поздней традиции осуществляется столь характерная для этого жанра установка на достоверность.

По загробному миру душа не может путешествовать без проводника. Чаще всего ее сопровождают ангелы (С, А, П), «рабу Божью» Веру водит

[10] В день Пасхи оказывается на небе и Христов крестник народных легенд См Народные русские сказки А Н Афанасьева В 3 т М 1986 Т 3 С 288
[11] См ПЛДР XII век М , 1980 С 522—530

по тому свету Богородица, Феклу — ее умершая сестра. Иногда спутником визионера является святой: Сергий Радонежский (М), Макарий Желтоводский (Мр), Серафим Саровский (И). Такие видения близки житийному жанру посмертных чудес: открыв визионеру сокровенные загробные тайны, святой исцеляет его от нравственного или физического недуга.

Потусторонний мир в видениях не имеет четкого строения. Обычно он предстает как цепочка никак не связанных между собой загробных областей, одни из которых являются местами блаженства, другие — местами мучений. Описание рая в сочинениях, испытавших влияние церковной книжности, очень традиционно. Рай — это большая церковь посреди «прекрасного града», окруженного со всех сторон стеной, а райская жизнь — вечная церковная служба (Мр). Согласно другим текстам, близким к народной прозе, души праведников живут на том свете в особых «храминах», стоящих в «зело красных» полях с «разными цветами» (С, П). Умершие имеют такой же облик, что и живые люди, носят земную одежду и обувь, ходят друг к другу в гости. Среди обитателей райских мест душа почти всегда встречает детей, умерших после крещения, солдат, погибших на войне, знакомого священника.

Гораздо более разнообразно и детально, нежели блаженство праведников, изображены муки грешников — во многих текстах именно им уделено основное внимание. Наряду с хорошо известными инфернальными картинами древнерусских апокрифов (бесы суют деньги в рот скупым, немилостивые кипят в огненном песке и т. п.) здесь появляются и некоторые новые мотивы, пришедшие из народной амартологии. Женщина, которая стригла и сжигала волосы, теперь осуждена вытаскивать их по одному из огня. Пьяницы сидят на том свете среди пустых бутылок «из-под вина и пива». Нарушение запрета есть яблоки до второго Спаса наказывается лишением их навсегда. Поминовение водкой и вином на могиле оборачивается для умерших рыданием возле стола, заросшего мхом (В). Свою образную конкретизацию получают иногда наказания за грехи, которые в произведениях предшествующей традиции, как правило, лишь упоминаются в общем перечне. Так, девица Пелагея видит «смехотворца», святочного ряженого: он весь увешан «грязными онучами», которые волочатся за ним по земле «сажен на десять». Впрочем, эволюция жанра заключается не столько в изобретении новых образов и мотивов, сколько в «обновлении» старых.

Особенно интересно проследить, как старинные топосы визионерской литературы используются в целях полемики, главным образом в старообрядческих видениях. «Некая старуха» встречает на том свете трех попов в «худых и смердящих ризах», а возле них тех, «кои им каялись и причащались от них», — «и хоть оне каялись, и грехи-те от них не вышли». Изображение грешных иереев, мучающихся в аду, относится к числу общих мест эсхатологической литературы, однако в сочинении выговцев-беспоповцев этот образ приобретает новое полемическое значение. В свою очередь девица Маргарита видит в моленной старообрядцев-беспоповцев без голов: они лишают себя «главы самого Христа, Тела и Крови Христовой не приемлют» и тем самым обрекают себя на вечную смерть.[12] В «полуденной стране» на «весьма хорошем» поле с цветами, которое погружено во мрак и туман, Маргарита узнает своего дядюшку, тоже беспоповца: «...стоит дядюшка на восток лицем, в руках лестовки и молится Богу, а одежда на нем гнусная, яко бы смольная». Дядюшка Мар-

---

[12] Подобное видение известно, в частности, по Житию Зосимы и Савватия Соловецких. Преподобный Зосима видит новгородских бояр без голов — им суждено быть казненными по повелению великого князя (см.: Дмитриева Р. П. Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 252—253).

гариты принадлежит к особому разряду грешников — к «безразличным и обоюдным», которые были подробно рассмотрены А. Н. Веселовским в связи с Видением Григория из Жития Василия Нового.[13] При жизни эти грешники колебались «между заветами добра и зла»,[14] а потому после смерти их место не в раю и не в аду, а посередине, на севере или на юге. От вечной муки дядюшка избавлен по той же причине, что и обоюдные из Видения Григория: он был «милостив и страннолриимец». Такая способность жанра постоянно приспосабливать свою топику к отражению новых коллизий — одна из причин его долголетия в русской рукописно-книжной традиции.

В приложении публикуется текст одного из наиболее типичных поздних образцов жанра видений (ГИМ, собр. Вострякова, № 978, л. 248—252 об., кон. XVIII—нач. XIX в. — сборник антистарообрядческих сочинений).[15]

ПРИЛОЖЕНИЕ

л 248 ПОВЕСТЬ О ДУШЕПОЛЕЗНОМ ВИДЕНИИ

Поведа нам о себе бывы прежде Нижняго Новаграда купец Андрей Да-
нилов Иконников, которой с прошлаго 1782 года выступя ис того по усер-
дию своему и по отречению от мира звания для монашества и странство-
л 248 об ваше // Бога ради, но при том имея некое сомнение о святей церкви и скло-
няяся мыслями своими к сожитию с расколниками. И бысть егда в 1785-м
году пред масленицею идяше он по обещанию своему в Киев. И будучи
под Москвою в Берлюковской пустыне, и изшед из нея, недалече во отсто-
ящем месте близ деревни при часовне тоя ж пустыни расположися до пяти
дней пребыти. И незадолго пред выходом его бывы тут монах отиде в мо-
настырь. Он же Андрей остася в келлии един и, заперши двери, сидя вве-
черу, нача делати дровенечки малинкие для везения котомки и имея по-
мышление заити к расколникам. И тогда вскоре не во сне, но наяве пока-
зася ему в той келлии на печи видение таковое.
л 249 Некий // отрок или юноша зело остроумен и добр разглаголствуя со отцем
своим в том, что отец ево говорит ему в защищение расколников, что, де, они
живут добродетелно, постятся и много Богу молятся, и прочая. Но напротив
его оны остроумны отрок противореча отцу и доказывая все расколническия
по притворству чинимыя с лестию дела и обличаше ясно, чего Андрей слушая
с великим страхом и токмо сперва по первом на них взгляде более не мог уже
глядети. А потом отец оправдая и в вере расколников. Но отрок от Святаго
Писания на ево речи многия чиня доказателства о несправедливости и заблуж-
дении расколническом, чего он Андрей подробно за объятием ево страхом
л 249 об пересказать не // может, но толко то знает и помнит, что отрок чрез долгое
время во всем неправости расколническия ясно изъобличил. А по таковом
изобличении отрок и говорить к Андрею, что, де, «Сии разговоры к тебе и к
твоему исправлению следуют».

И тогда паче Андрей, испугавшися, прииде в страх и ляже на лавку и как бы заснул и видит отрока к нему подошедша и ставша подле ево с левую сторону. Андрей же не могий проглаголати, но мысляше токмо: аще бы, де, сей отрок был ангел Божий, то бы, де, стал не по левую, а по правую сторону. То тогда ж оны отрок, переидя, ста по правую сторону, он же творяше молитву. И рече ему отрок: «Ты теперь уже не в теле, то

---

[13] Веселовский А. Н Безразличные и обоюдные в Житии Василия Нового и народной эсхатологии // СОРЯС СПб., 1889. Т. 46, № 6 С 117–172.

[14] Там же С. 142

[15] Приношу благодарность Е М Юхименко и Ю А Грибову за помощь в подготовке этого текста к изданию

поиде за мною». И тогда Андрей возчювствова в себе не//сказанную легкость, не ощущая ни малейшей телесной тягости. *л. 250*

И поидоша со отроком в той легкости аки по воздуху. А потом наидоша на них множество ефиопов, которые крайне начали нападати и Андрея от отрока к себе хватати, кричаще, что «Сей наш есть». И показоваше тут все Андреевы дела греховныя, на хартиях написанныя толь выразительно, что, когда и в кий день и час какой и где грех содеях, даже до самых малейших грехов и от самых малых ево лет, аки бы от трех годов, каковых грехов многих он и не помнит. И наступали велми крепко, хотя похватити к себе Андрея. И тогда Андрей в толь велий страх прииде, яко аще бы в теле, то б до смерти устраши//лся и быть живу неможно. Отрок же против тех ефиопов, елико можаше, показоваше им от добрых дел Андреевых, сказоваше, что в том и в том грехе каяшеся, такие и другие добрыя дела делал[a] и поминал родители, и от всех добродетелей им представлявше. И по множеству путешествии в разных местах многажды истязание таковое бываше. И оныя ефиопы разными видами показывашеся, и толь страшными, что только от взору их умереть можно человеку. Оны же отрок Андрея во всех тех испытаниях защищая, не даяше им его похитити. *л. 250 об.*

Егда же много проидоша, рече отрок Андрею: «Теперь уже не бойся». И идоша по гладким местам, видеша по сторонам некия оби//тели хорошие, похожие на монастыри. И тогда рече ему отрок: «Проси со усердием Матерь Божию, что она за тебя просит у Бога». И вопроси Андрей: «А где я увижю?». Отрок же указаше ю не в близском от них разстоянии, по примеру аки бы во сте саженях. И по указанию виде Андрей Матерь Божию Пресвятую Богородицу в пресветлой одежде, аки бы в царской, и виде не в лице, но аки бы идущую впереди их. И нача Андрей молитися к Пресвятей Богородице о помиловании его, и потом невидима бысть. Отрок же приведе Андрея аки к монастырским болшим вратам, повеле ждати, сам же невидим бысть. Потом вскоре отверзоша врата, и вышли к нему множество диаконов в диаконских одеяниях, производили пение. И взявше его, проведо//ша врата, и слышал глагол сей: «Куды, Господи, повелиши раба сего?». А напротив сего и бысть слышан глас таковы тихи и пресладки: «Поведите его к дщери Авраамли или Адамли» — и по имяни названъной. Только он сего слово в слово сказать подлинно не упомнит. Тогда Андрей от сего гласа превеликия и несказанныя наполнися радости. Потом отведоша его во обитель к той дщери. И тут паки появишася оныя ефиопы, но оная дщерь защищаше его, глаголя ему: «Не бойся», и прочая. *л. 251* *л. 251 об.*

Потом же паки тут показася отрок той и оттоле поведе его чрез места нехорошия, однако ж не мучителныя и не огненныя. Но между тем идоша мимо такого места, которое велико показовашеся вниз под гору, и тут лес, // мрак же и темнота, и смрад оттоле исхождаше. И слышашеся в том месте аки бы шум. Тогда спроси Андрей об оном месте отрока. Он же сказаше ему, что тут, де, находятся язычники, то есть неверные, а с ними, де, причтены и расколники. Потом же, идущим им, показаше ему некако не в теле мать его, выведеную не из выгоднаго места. А между теми видениями сказал ему отрок, что «Бог прощает грехи твои за простодушие твое». Да еще сие: «Хотя, де, ты к расколникам и заидеш, но у них никак не оставайся». *л. 252*

Наконец приведе его к телу. Андрей же, не хотя лишитися прибывшей ему от гласа радости, не хоте в тело идти, однако ж нуждею вниде и пробуждся. Егда востав, бысть тогда дни уже часа три. // А всего ево спания бысть часов до тринатцати. И приходящия к нему люди не могоша достукатися, почему он и мнит быти себе в то время обмирающа. *л. 252 об.*

---

[a] *Испр., в ркп.* делам.